УДК 811.111’276

Овшарова Огулсурай Овшаровна

Студентка

Туркменского национального института мировых языков им. Довлетмаммета Азади

ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНГЛИЦИЗМЫ, СОКРАЩЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс языковых трансформаций, происходящих в современном русском языке под воздействием глобальной цифровизации. Анализируются ключевые векторы изменений: активная интернационализация лексического состава за счёт англицизмов, тенденция к речевой компрессии, выраженная в аббревиации и сжатии синтаксических конструкций, а также деформация и адаптация орфографических и пунктуационных норм.

Ключевые слова: цифровизация, электронный дискурс, англицизмы, компрессия текста, языковая норма, депунктуация.

LANGUAGE TRANSFORMATIONS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION: ANGLICISMS, ABBREVIATIONS, AND CHANGES IN WRITTEN SPEECH NORMS

Ovsharova Ogulsuray Ovsharovna

Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Abstract. The article examines a complex set of linguistic transformations occurring in the modern Russian language under the influence of global digitalization. The study analyzes the key vectors of change: active internationalization of the vocabulary due to Anglicisms, the trend toward speech compression expressed in abbreviation and the streamlining of syntactic

structures, as well as the deformation and adaptation of spelling and punctuation norms.

Keywords: digitalization, digital discourse, Anglicisms, text compression, linguistic norm, depunctuation.

Процесс глубокой цифровизации, охвативший глобальное человеческое общество на рубеже XX и XXI веков, оказал на языковую систему влияние, сопоставимое по масштабам разве что с изобретением книгопечатания. Перенос львиной доли повседневного, профессионального и даже межличностного общения в плоскость компьютерно-опосредованной коммуникации спровоцировал колоссальный сдвиг в самих фундаментальных принципах функционирования языка.

В центре этого исследовательского поля лежит феномен электронного дискурса, который в современной лингвистической парадигме все чаще квалифицируется как письменная разговорная речь. Письменная по своему способу фиксации – графическому отображению символов на экране устройства – и разговорная по своей коммуникативно-прагматической сути, эта форма речевой деятельности породила уникальные языковые трансформации. Возник парадокс: человеку потребовалось писать со скоростью говорения, что незамедлительно запустило механизмы языковой саморегуляции, выразившиеся в стремлении к предельной компрессии, активной интернационализации лексикона и переосмыслении роли графических знаков.

Одним из наиболее заметных и динамичных проявлений этой цифровой трансформации стал бурное процесс заимствования и лексической адаптации англицизмов. Английский язык, закрепивший за собой статус глобального ***lingua franca*** научно-технического прогресса, проник в русский цифровой дискурс не просто как источник терминологии, а как системный элемент нового коммуникативного кода. Важно подчеркнуть, что иноязычные элементы перестали ограничиваться

сферой IT-индустрии, где их присутствие традиционно обусловлено отсутствием автохтонных эквивалентов. Сегодня англицизмы активно осваивают сферы психологии, бытового общения и эмоциональной саморефлексии.

Примером глубокой морфологической и семантической интеграции может служить лексема ***«шейминг»,*** образованная от английского глагола *to shame* (стыдить). В русскоязычном цифровом пространстве эта единица не просто замещает близкие по смыслу понятия вроде «осуждения» или «порицания», а формирует новое семантическое гнездо с чётко выраженной прагматической оттенок: публичное травление или порицание человека в сети за несоответствие определенным стандартам. Более того, русская языковая система моментально подчиняет этот иноязычный корень своим грамматическим законам, порождая гибридные конструкции и глагольные формы, такие как «зашеймить» или «шеймящий». Анализ подобной лексики показывает, как английский корень получает стандартные русские приставки и суффиксы, проходя полный цикл ассимиляции за крайне короткий промежуток времени. Аналогичным образом глагол ***to check*** превращается в разговорное «зачекать», где приставка «за-» придаёт действию значение завершенности или начала процесса, что свидетельствует о высоком адаптивном потенциале принимающего языка.

Параллельно с лексическим импортом в цифровом пространстве с особой силой разворачивается действие фундаментального принципа экономии речевых усилий. В условиях дефицита времени и стремления к моментальному обмену сообщениями языковой носитель начинает рассматривать любую синтаксическую избыточность как барьер. Это приводит к тотальной компрессии текста, проявляющейся в усечении основ, эллиптических конструкциях и масштабной акронимии. Сокращения вроде ***«BTW» (by the way)*** или ***«IMO» (in my opinion)*** давно пересекли языковые границы и прочно укоренились в речи русскоязычных

пользователей, сформировав параллельный пласт отечественных аббревиатур. Примером здесь служит трансформация фразы ***«по собственному желанию» в лаконичное «ПСЖ»*** или ***«личные сообщения» в «ЛС»*** в рамках корпоративного и бытового мессенджер-дискурса. Когда пользователь пишет «Я на созвон», он сознательно эллиптирует предложение, изъятия глагольную группу «подключаюсь к» или «иду на», поскольку контекст коммуникативной ситуации полностью компенсирует отсутствие грамматической полноты, не приводя к потере смысла.

Однако наиболее глубокие и метаморфозы переживает синтаксис и пунктуация, где происходит постепенная деформация традиционной нормы в пользу эмотиогенной и интонационной графики. Пунктуация в электронной письменной речи в значительной степени утрачивает свою первозданную грамматическую функцию – разделять синтаксические отрезки предложения – и приобретает ярко выраженную экспрессивно-прагматическую направленность. Ярчайшим примером этой трансформации является феномен так называемой «депунктуации», а именно изменение коммуникативного статуса точки в конце сообщения в мессенджерах. В традиционной письменной культуре точка – нейтральный знак завершения мысли. В пространстве же электронного диалога точка на конце короткого репликового сообщения начинает считываться адресатом как маркер эмоциональной отстраненности, категоричности, психологической дистанции или даже скрытой агрессии. Фраза «Хорошо.», отправленная в мессенджере, воспринимается не просто как согласие, а как холодный, отстраненный или раздраженный ответ, тогда как та же фраза без финального знака препинания «Хорошо» расценивается как нейтральное доброжелательное подтверждение.

Необходимость компенсировать отсутствие физического контакта – мимики, жестикуляции, тембра и интонации голоса – заставляет носителей языка искать новые графические эквиваленты невербальных средств

общения. Эту лакуну успешно заполняют не только верхний регистр (капслок) для передачи громкого крика или эмоционального накала ***(«ГДЕ ТЫ?»),*** но и редупликация буквенных знаков для воссоздания протяженности интонации ***(«Привееееет», «Ну пожалуйстааа»).*** Особое место в этом процессе занимают эмодзи, стикеры и пиктограммы, которые в современной лингвистике уже не рассматриваются как инфантильный или деструктивный элемент общения. Эмодзи эволюционировали в полноценную графико-семантическую систему, выполняющую роль контекстуального ключа: один и тот же текст, сопровожденный смеющимся или ироничным символом, кардинально меняет свой истинный смысл, защищая коммуникацию от коммуникативных сбоев и неправильного прочтения подтекста.

Оценивая эти масштабные процессы с академической точки зрения, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой трансформации понятия самой языковой нормы. В современном научном сообществе давно наметился разрыв между консервативным, пуристическим подходом, трактующим сетевые трансформации как признаки деградации речи и падения грамотности, и функционально-эволюционной концепцией.

Литературная норма не исчезает, но теряет свой монопольный статус во всех сферах коммуникации. На смену жёсткой унификации приходит функционально-стилистическая пластичность, когда грамотность носителя языка определяется не слепым следованием академическим правилам в любой ситуации, а его способностью к переключению языковых кодов. Современный когнитивно-языковой багаж индивида включает в себя умение выстраивать безупречно кодифицированный академический или официальный текст в формальной обстановке и одновременно свободно оперировать законами и инструментами электронного дискурса в ситуациях мгновенной виртуальной коммуникации, сохраняя баланс между скоростью, информативностью и выразительностью.

Цифровизация выступает катализатором языковых изменений, ускоряя процессы, которые в традиционных условиях занимали десятилетия. **Англицизмы** не просто замещают исконные слова, но и заполняют семантические лакуны, создаваемые новыми технологическими и социальными реалиями.

Таким образом, современные языковые трансформации следует расценивать не как деградацию речи, а как динамический процесс адаптации языковой системы к новой технологической парадигме.

Использованные источники

1. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковые особенности / Н. А. Ахренова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 3. – С. 113–117.

2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 304 с. – ISBN 5-98704-013-0. – Текст : непосредственный.

3. Галичкина, Е. Н. Компьютерный дискурс: лингвистический статус и характеристики / Е. Н. Галичкина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). – С. 50–55.